

УДК 903.8

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ НА АНАНЬИНСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ НИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ (КОНЕЦ VI – III ВВ. ДО Н. Э.)

© 2017 г. С.Н. Коренюк, А.Ф. Мельничук, Е.М. Черных

В статье анализируются человеческие жертвоприношения на памятниках поздней стадии ананьинской культуры (кон. VI – III вв. до н. э.) Нижнего и Среднего Прикамья. Определяются причины их появления в позднеананьинских социумах. Большинство ритуальных захоронений приурочено к площадкам святилищ (Гремячанское, Гляденовское) или к сакральным объектам крупных поселений (Аргыжское, Зуевключевское I). Преобладают детские захоронения. Реже кровавым ритуалам подвергались взрослые люди, являвшиеся пленными или рабами. Во второй половине I тыс. до н.э. в ананьинском обществе Прикамья, очевидно, складывался первичный пантеон божеств. Наиболее значимым из них, управляющим природными стихиями, от которых зависела жизнедеятельность людей во время экстремальных событий, очевидно, и посвящались человеческие жертвы.

Ключевые слова: археология, Прикамье, ананьинская культура, человеческие жертвоприношения, святилища, культовые постройки, инфантицид.

В ходе многолетних исследований памятников ананьинской культуры в Прикамье, наиболее широко изученных раскопками (поселения Гремячанское, Половинное I, Заюрчимское I, городища Аргыжское, Зуевключевское I, Гляденовское и др.), выявлены человеческие захоронения явно ритуального характера. Данные погребения в большинстве случаев приурочены к сакральным объектам – это выкладки черепов лошадей, галечные вымостки, глинобитные площадки, культовые рвы, зольники, в пределах и возле которых найдены выразительные находки в виде жертвенных чаш, костяных предметов (наконечники стрел, резные изделия с образами животных), пряслиц с прочерченными смысловыми изображениями. Меньшая часть людских жертв отмечена в пределах жилых построек.

Впервые следы ритуальных человеческих захоронений были выявлены А.В. Збруевой на Пижемском городище (среднее течение р. Вятки) и поселении Конецгор (устье р. Чусовой), где исследователь отметила разрозненные антропологические останки (Збруева, 1952, с. 157).

С расширением исследований памятников ананьинской эпохи в Прикамье, начиная со второй половины XX в. и по настоящее время, число найденных в их пределах ритуальных захоронений людей значительно возросло. Нами собраны сведения о 49 человеческих жертвах как в одиночных, так и в коллективных погребениях. Охарактеризуем их, следуя материалам полевых отчетов и опубликованных сведений.

Поселение-святилище Гремячанское (Пермский край, Осинский район, нижнее течение р. Тулвы, лев. приток р. Камы). В ходе многолетних раскопок в 1957–63, 1986 гг. А.Д. Вечтомовым и В.А. Обориным, в 1988 г. А.Ф. Мельничуком и В.А. Обориным, в 1991–93 гг. С.Н. Коренюком (Вечтомов, 1962; 1968, с. 79; Коренюк, Оборин, 1988; Мельничук, Оборин, 1989; Коренюк и др., 1994, с. 67–69) выявлено наибольшее число ритуальных человеческих захоронений среди известных прикамских памятников ананьинского мира.

Погребение № 1 – раскоп 1 1959 г., уч. Г/13, гл. 0,75 м. Его очертания в сплошном культурном слое в виде рыхлого тёмного гумусированного суглинка, насыщенного золой и гранулами пережжённой глины, не фиксировались. Кости располагались бессистемно не в анатомическом порядке. От скелета сохранились мелкие фрагменты черепной коробки, рёбер, костей нижних и верхних конечностей. Фрагменты скелета принадлежали ребёнку, возрастом до 4 лет (определение В.П. Алексеева). По расположению фрагментов черепных костей ориентировку жертвенного захоронения следует определить как юго-западную. Близ него отмечено значительное количество обожженных расколотых аллювиальных галек, куски мелкозернистого песчаника, кости животных и обломки речных раковин *Unio*. Здесь же (гл. 0,7 м) обнаружен маленький (детский) бронзовый пластинчатый браслет со спирально заходящими друг за друга концами. По мнению А.В. Збруевой, подобные украшения появляются в ананьинских древностях Прикамья не ранее IV в. до н. э. (Збруева, 1952, с. 94). Детский костяк распо-

лагался в 15 м к 3 от края крупного зольника между двумя очагами, состоящими из золы, угля и вкраплений кусочков обожжённой глины.

Погребение № 2 – раскоп 1 1959 г., уч. ЕЖ/15, гл. 0,65 м. Выявлен в 5 м южнее погребения 1. Расчистку погребения проводил будущий академик, антрополог В.П. Алексеев. По его определению, костяк, расположенный в анатомическом порядке и ориентированный головой на ЮВ, принадлежал ребёнку в возрасте до года. Так же, как и погребение 1, костяк располагался между двумя очагами. Близ ритуального захоронения отмечены развал позднеананьинского толстостенного сосуда, декорированного по шейке ямочным орнаментом, округлое пряслице из стенки сосуда и железный нож.

Погребение № 3 – раскоп 3 1959 г., уч. Б / 10, гл. 0,3–0,36 м. Севернее погребения 1, в 12 м от края крупного зольника на площади 0,3×0,4 м выявлены разрозненные кости ребёнка младенческого возраста (до года, по В.П. Алексееву). От скелета сохранились мелкие кости и нижняя челюсть. Культурный слой, в котором располагались антропологические остатки, представлял собой серо-коричневый суглинок, насыщенный расколотыми от теплового удара аллювиальными гальками, углистыми линзами и гранулами обожжённой глины. Близ фрагментов ритуального захоронения отмечена сломанная в древности костяная пряжка с четырьмя отверстиями.

Погребение № 4 – раскоп 3 1959 г., уч. БВ/12, гл. 0,45–0,5 м. Захоронение принадлежало, по определению В.П. Алексеева, ребёнку 8–10 лет. Оно находилось в пределах кострища на площади до 1 м² в 2,6 м юго-западнее погребения 3. Кости черепа раздавлены и сильно обожжены. Сохранились фрагменты нижних конечностей, кости грудной части скелета. В один из позвонков была продета кость ребра. В пределах погребения обнаружена обожжённая часть нижней челюсти ещё одного ребёнка. Вблизи ритуального захоронения найдены миниатюрный сосуд, бронзовая пронизка и костяная пуговица. Погребение 4 с запада примыкало к крупному объекту (1,3×3 м), который А.Д. Вечтомов рассматривал как развал медеплавильного сооружения, состоящего из крупных сильно прокалённых кусков известняка, расколотых от теплового удара галек и серой золы. Под ним отмечалась подушка из сильно прокалённой красной материковой глины. Основание объекта находилась на одном уровне с погребением 4.

Погребения №№ 1–4, выявленные в СВ части Гремячанского поселения, тяготели к изученному в ходе раскопок крупному сакральному объекту в виде большого золь-

ника, насыщенного пережжёнными костями (7×40 м). В его пределах, помимо ритуальных детских захоронений, изучены жертвенные комплексы в виде скоплений костей домашних (например, выкладки из черепов лошадей) и диких животных. Жертвенный комплекс был явно связан с металлургической площадкой, к которой отнесены остатки плавильной печи с тяготеющими к ней мощными очагами и находками многочисленных предметов производственного класса (медные и железные шлаки, капли меди, фрагменты тиглей и льячек, литейные формы) (Вечтомов, 1967, с. 145; 1968, с. 79). Эти захоронения А.Д. Вечтомов датировал второй половиной V в. (Вечтомов, 1973, с. 18).

По мнению А.Д. Вечтомова, погребение 4 с обожжёнными костями черепов двух детей является результатом принесения человеческих жертв в связи с началом эксплуатации медеплавильного сооружения (Вечтомов, 1973, с. 19). Человеческие жертвоприношения могли быть связаны и с началом плавки меди из вновь открытых месторождений медистых песчаников, выходы которых известны недалеко от Гремячанского святилища у дд. Верхняя Чермода и Шермейка, где с 1795 по 1862 гг. работал медеплавильный завод господ Яковлевых (Тиунов, 1954, с. 32, табл. I).

Погребение № 5 – раскоп 2 1960 г., уч. ТУ/43–44, гл. 0,7 м (рис. 1, 2). Очертания могильной ямы прямоугольной формы (2×0,98 м) зафиксированы на уровне 0,6 м. Хорошо сохранился костяк взрослого человека, ориентированного головой на 3; верхние конечности располагались вдоль туловища; череп был развёрнут на Ю. По определению М.С. Акимовой, погребённый – мужчина длиной свыше 1,7 м, европеоид. Явных следов насильственной смерти умершего не прослеживается. Возможно, захоронение располагалось внутри деревянной конструкции, от которой сохранилась углистая линза шириной 8–9 см, образующая угол в 0,3 м к ЮЗ от головы покойного. На дне погребения также прослежены углистые полосы. Сверху скелет засыпан расколотыми костями домашних животных, причём слой костей покрывал костяк от черепа до таза. Такой же, но менее мощный слой костей находился и ниже погребённого, выстилала дно могильной ямы. Рядом с погребённым обнаружены фрагменты позднеананьинской посуды с воротничком и обломки глиняной статуэтки. Недалеко от него обнаружена яма с костями животных.

Погребение № 6 – раскоп 2 1960 г., уч. СТУ/43–45, гл. 0,7 м (рис. 1, 2). Оно располагалось строго на 3 в одну линию с погребением 5. Очертания могильной ямы (1,68×0,74 м) прослеживались нечётко, но на уровне 0,75 м отмечено, как была срезана часть находив-

шегоса рядом более древнего очага. На его дне отмечены углистые полосы. Скелет человека сохранился хорошо. Верхние конечности вытянуты вдоль туловища. Череп (с европеоидными чертами) покоился на плитке. Длина скелета несколько превышала 1,5 м. По определению М. С. Акимовой, костяк принадлежал подростку 12–14 лет, без следов насильственной смерти (Вечтомов, 1973, с. 23). Его правая плечевая кость была обожжена. На дне могильной ямы отмечались угольки. Рядом с левым бедром выявлены мелкие, плохо сохранившиеся кусочки кожи и прослежено два скопления костей домашних животных.

Погребения №№ 5 и 6 выявлены в южной окраинной части поселения-святилища. В непосредственной близости от них (гл. 0,2–0,4 м) найдено 8 сломанных глиняных антропоморфных статуэток, которые могли использоваться в ритуале человеческих жертвоприношений. Близ погребений выявлены открытые очаги. Один из них имел обкладку из плит песчаника. Здесь же прослежены углистые полосы от сгоревшего дерева мощностью 4–7 см и шириной 20–25 см. Они шли параллельно захоронениям и располагались с обеих сторон от них. Возможно, эти остатки сгоревших конструкций являются свидетельством наличия какого-то культового сооружения, в котором находились погребённые. На расстоянии 3,6 м к С от погребений были обнаружены 8 конских черепов и скопление нижних челюстей и целых костей нижних конечностей этих животных. Они были помещены в особую канавку (4,7×0,6×0,25–0,3 м), идущую параллельно человеческим захоронениям. Остеологический материал располагался в этом жертвенном объекте следующим образом. В западном конце канавки лежало несколько сломанных костей нижних конечностей лошади. Затем один за другим в линию были уложены три конских черепа без нижних челюстей. Далее находились три нижних челюсти и целые кости нижних конечностей, а за ними ещё пять конских черепов. Положение черепов было различно. Шесть из них лежали на левой стороне и были направлены лицевым отделом на З; один был перевернут так, что свод черепа располагался внизу, но его лицевая часть также была ориентирована на З; восьмой череп лежал на правой стороне и ориентирован на В. По мнению А.Д. Вечтомова, выкладки черепов связаны с человеческими жертвоприношениями. Этот комплекс исследователь датировал финалом ананьинской эпохи – III в. до н.э. (Вечтомов, 1973, с. 24).

Погребение № 7 – раскоп 2 1988 г., уч. Н/19, гл. 0,85 м (рис. 3). В восточной части памятника выявлено погребение грудного ребёнка, в относительно анатомическом порядке, ориен-

тированного головой на С. У нижних конечностей утеряна часть костей. Длина костяка до 0,65 м. Сверху погребённый был перекрыт линзой пережжённой извести и очажным прокалом (гл. 0,7 м). Захоронение приурочено к комплексу из зольников и кострищ, в пределах которых выявлены значительные скопления сырых и обожженных костей животных. К Ю от погребённого найден бронзовый трёхлопастной наконечник стрелы с выступающей втулкой (Мельничук, Оборин, 1989, с. 76).

Погребение № 8 – раскоп 2 1988 г., уч. О/20–21), гл. 0,7 м. В мощном скоплении разрозненных костей различных животных (преобладали остатки лошади) отмечено, судя по сохранившимся молочным зубам, разрушенное погребение младенца. От скелета сохранились черепная крышка и обожжённые фрагменты костей нижних конечностей. К В и З от этого комплекса найдено два бронзовых трёхлопастных наконечника стрел с выступающей втулкой. Не исключено, что тело младенца подверглось частичному трупосожжению.

Погребение № 9 – раскоп 1 1988 г., уч. III–IV/8, гл. 0,32–0,36 м (рис. 3). Его очертания не прослеживались в темном гумусированном слое. Погребение принадлежало грудному ребёнку длиной около 0,5 м. Захоронение в вытянутом положении на спине, головой на З с небольшим отклонением к Ю. Отмечается смещение костей грудной клетки. Черепная коробка полностью раздавлена и представлена фрагментами. Значительно смещена к С челюсть погребённого. В пределах захоронения и в непосредственной близости от него найдены кости животных, фрагменты гладкого сосуда, украшенного шнуровым орнаментом, и воротничковой посуды с ямочным орнаментом. В 0,25 м к С от костяка отмечено пятно пережженных костей овальной формы (диаметром до 0,2 м и толщиной до 5 см).

Погребение № 10 – раскоп 1 1988 г., уч. III/8, гл. 0,32–0,36 м (рис. 3). Ориентировка неясна, но разрозненные кости черепной коробки тяготели к З. Захоронение произведено по способу частичного трупосожжения. Сохранились лишь обожженные кости черепной коробки, фрагменты костей грудной клетки, позвоночника и таза. Полностью отсутствовали кости нижних и верхних конечностей, от которых, очевидно, сохранились мелкие кальцинированные кости. Судя по крупным фрагментам антропологического материала, ритуальное захоронение принадлежало подростку. В его пределах отмечены обожжённые кости животных. Здесь же найдены крупный фрагмент керамики с орнаментом из горизонтальных линий шнура и резных насечек. Очевидно, с захоронением связан и развал небольшого гладкого сосуда с резным ногтевидным орнаментом по шейке. В восточной части ритуаль-

ного комплекса обнаружены медные предметы: фрагмент тонкой спиралевидной пронизи и подпрямоугольная бляшка с отверстием.

Погребение № 11 – раскоп 1 1988 г., уч. I/15 гл. 0,3–0,34 м (рис. 3). Захоронение грудного ребёнка длиной до 0,55 м ориентировано на В. Сохранность костяка чрезвычайно плохая: череп разбит, остальные кости сильно разрознены. К В от костей черепной коробки находились два крупных камня светлого известняка, явно связанных с ритуальным захоронением. Около них найдены фрагменты неорнаментированной керамики. Вероятно, с ритуальным захоронением связан крупный фрагмент жертвенной чаши, на поверхности которой отмечаются многочисленные грубые пальцевые вдавления. Важно, что в 1 м к ЮЗ от погребения 10 найден медный антропоморфный идол с ушком на оборотной стороне.

Погребение № 12 – раскоп 1 1988, II/14–15, гл. 0,3–0,34 м (рис. 3). Костяк принадлежал ребёнку грудного возраста. Кости скелета смещены. Черепная коробка разбита на мелкие фрагменты. Ориентировка западная с небольшим отклонением к Ю. Справа от костяка найдена «бабка» с отверстием.

Погребение № 13 – раскоп 1 1988, I/15, гл. 0,3–0,34 м (рис. 3). Ребёнок грудного возраста был уложен в скорченном положении головой на ЮВ. Черепная коробка разбита на мелкие части. Справа от костей отмечен крупный камень светлого известняка.

Погребения №№ 10–12 расположены в южной части раскопа 1 1988 г. Они явно синхронны различным зольникам, каменным выкладкам и скоплениям из костей животных, образующих сложный сакральный комплекс. Характерно, что расколотые отдельные кости (обломки черепных крышек, части грудной клетки) взрослых людей встречались и в восточной части раскопа 1 того года, в стороне от ритуальных захоронений. Не исключено, что это следы ритуального каннибализма.

Погребение № 14 – раскоп 1 1992 г., гл. 0,45–0,55 м (рис. 4, 5). Ритуальное захоронение ребёнка, ориентированного головой на ЮВ, выявлено в культовой постройке № 1 (4,0×5,5 м) напротив (0,2 м) нишеобразного выступа в её СВ стенке. Отмечается смещение скелета, череп разбит. Длина костяка достигает 0,7–0,8 м, что позволяет считать его принадлежащим ребёнку возрастом от 1 до 2 лет. Скелет обложен 7 крупными овальными плоскими гальками. Контур кладки почти повторяет расположенное вблизи овальное скопление из 5 медвежьих клыков и когтя медведя. Здесь же отмечены фрагменты небольшого сосуда с ямочно-шнуровым декором. Восточнее черепа, на глубине 0,6 м, вскрыта округлая жертвенная яма, диаметром

до 0,17 м, котловидное дно которой углублено в материк на 0,4 м. В её зольном заполнении обнаружены 20 круглых плоских галек, фрагменты жертвенной чашечки и кость медведя. Близ черепа захоронения расчищен развал сосуда с ямочным орнаментом.

Погребение № 15 – раскоп 1 1992 г., гл. 0,5 м (рис. 4, 5). В культовой постройке № 2 (4,0×5,2 м) по центральной оси близ СВ стенки расчищены остатки жертвоприношения ребёнка грудного возраста, кости которого сильно перемешаны. Черепная коробка разбита на мелкие фрагменты. Среди человеческих костей выявлены кости жеребёнка, в том числе «бабка». В 0,4 м к ЮВ от захоронения на глубине 0,6 м зафиксирована округлая жертвенная ямка, заглублённая в материк на 0,26 м. В её заполнении (тёмный супесчаный суглинок) найдены косточки от хвоста новорождённого жеребёнка и лошадиная «бабка».

Погребение № 16 – раскоп 1 1992 г., гл. 0,4–0,5 м (рис. 4, 5). За пределами культовой постройке № 2 в 0,75 м к В расчищено ритуальное захоронение грудного ребёнка длиной 0,55 м. Его останки, ориентированные головой на СЗ, лежали в анатомическом порядке. Отсутствовали нижняя часть костей ног и кости правой руки.

Погребение № 17 – раскоп 1 1993 г., гл. 0,5 м. В культовой постройке № 3 (4,8×5,3 м) кости ребёнка располагались не в анатомическом порядке (рис. 4). От скелета сохранились фрагменты черепной коробки, ребер, костей нижних и верхних конечностей. Поблизости от человеческих костей расчищены череп и челюсть бобра. Кроме того, в постройке встречались кости медведя, череп лошади, а также скопления из 12 красных плоских округлых галек.

Поселение Половинное I (Пермский край и район, приустьевая часть р. Нижней Мулянки, лев. притока р. Камы). Памятник исследовался в 1971, 1974 гг. А.Д. Вечтомовым (1972; 1975), в 1983, 1990 гг. – А.Ф. Мельничуком (1985), в 1984 г. – Н.В. Соболевой. В 1971 А.Д. Вечтомов выявил крупный сакральный объект в виде мощного зольника с глинобитными очагами и скоплениями костей животных, с которыми были связаны два ритуальных захоронения людей.

Погребение № 1, гл. 0,45–0,5 м (рис. 6), обнаружено у северного края зольника. Костяк, длиной до 1,6 м, ориентированный на В, принадлежал взрослому человеку и располагался в относительно анатомическом порядке с правильным распределением костей нижних конечностей и таза. Остальные антропологические останки подверглись серьёзному смещению. Сверху на тазовых костях, слева, лежали кости предплечья, а

сбоку, справа, – две кости правой руки. Часть позвоночника в районе поясницы резко отделена от тазовых костей. Верхняя часть позвоночного столба несколько смещена вправо. Также значительно сдвинуты и перемещены кости грудной клетки (рёбра, лопатки, ключицы). Рядом с погребением рассеянно встречались кости левой стопы и фаланги от неё, а также фаланги верхних конечностей и отдельные рёбра. Явно искусственно отделённый от скелета череп (лежал черепной коробкой вниз) без нижней челюсти был обнаружен в культурном слое, ниже уровнем (гл. 0,6 м), справа от костяка. В пределах тазовых костей и нижних позвонков отмечены углистые линзы. Часть костей в этой области скелета обожжена.

Погребение № 2, гл. 0,6–0,75 м (рис. 7), находилось рядом с погребением 1, но несколько ниже уровнем залегания в слое. Кости скелета человека без какого-либо порядка вперемешку с костями домашних животных располагались на площади 0,6×0,7 м. Значительная часть костей нижних и верхних конечностей, таза, грудной клетки отсутствует. Характер костей свидетельствует о преднамеренном расчленении скелета взрослого человека.

Ритуальные погребения были выявлены в центральной части поселения. Рядом с ними отмечены значительные скопления костей животных. Между ритуальными захоронениями выявлена овальная линза, диаметром до 0,2 м, насыщенная медными окислами. Возможно, человеческие жертвы Половинного I поселения были связаны с обрядовыми церемониями металлургов и литейщиков. Характерно, что в восточной части памятника, в канавообразном сооружении, выявлен выразительный позднеананьинский комплекс IV–III вв. до н. э. с остатками металлургического производства – куски медистого песчаника, ладьевидные тигли, фрагменты глиняных литейных форм, среди которых выделяется матрица для отливки блюшек с изображением медведя в жертвенной позе (Мельничук, 1985).

Гляденовское городище-костище (Пермский край и район, приустьевая часть р. Нижней Мулянки, левого притока р. Камы). Памятник исследовался Н.Н. Новокрещенных в 1896–97 гг. (Новокрещенных, 1914), А.Ф. Мельничуком в 1990 г. (Голдобин и др., 1991), А.Н. Лепихиным в 1995–1997, 2001 гг. (Лепихин, 1996; Казанцев и др., 1997), С.Н. Коренюком в 2003–2006 гг.

В ходе исследования нижней площадки Гляденовского городища-костища изучена культовая постройка (7,4×5,8 м). Погребение выявлено на дне постройки (Коренюк, Мельничук, 2016). В профиле могильное углубление (0,81×0,36 м) имело вытянутую овальную форму с уплощённым дном и округлыми

стенками (рис. 8). В засыпи ямы найдено 3 фрагмента неорнаментированной керамики. Костяк ребёнка, крайне плохой сохранности, ориентирован на З с отклонением к С. Нижние конечности отсутствовали. Сохранились лишь распавшийся череп, грудная клетка, фрагменты ключиц таза. На нижней челюсти сохранились 4 молочных зуба. К погребению примыкала яма овальной формы (диаметром до 0,8 м) со скоплением костей животных. В заполнении культовой постройки обнаружены развалы трёх ананьинских воротничковых сосудов, декорированных узорами из ямок, шнура и гребенчатого штампа.

Поселение Заосиново I (Пермский край и район, левый берег р. Камы). Изучалось в 1966 г. К.М. Русановой, в 1982, 1984 гг. В.П. Денисовым, в 1986–88 гг. В.П. Мокрушиным (Мельничук и др., 1988; Мокрушин, 1989).

При изучении постройки 2, в её СЗ углу обнаружены фрагменты черепа ребёнка – возможно, следы строительной жертвы. В заполнении сооружения найдены скопления позднеананьинской воротничковой посуды, украшенной ямочным, шнуровым и гребенчатым орнаментом (Мокрушин, 2001, рис. 6: 1–3).

Поселение Заюрчимское I (Пермский край и район, левый берег р. Камы). Памятник изучался в 1956–1960, 1982 гг. В.П. Денисовым, в 1986–1988, 2009 гг. – С.Н. Коренюком (Коренюк, Оборин, 1988; Коренюк, 1989).

Коллективное детское захоронение № 1 (1958 г., гл. 0,48–0,7 м) обнаружено в траншее, в ЮЗ части памятника. Погребение (0,8×0,44 м) располагалось в тёмном гумусированном песчаном слое. При его расчистке отмечено значительное количество мелких пережжённых косточек. Из находок, встреченных непосредственно в пределах захоронения, следует отметить обломок костяного наконечника стрелы, медное шило, а также фрагменты позднеананьинской посуды. В погребении расчищено три костяка (рис. 9).

Погребение № 1а. Костяк располагался на левом боку, с согнутыми нижними и прижатыми к груди верхними конечностями, головой на С. Он принадлежал ребёнку возрастом 9–10 лет. Череп лежал на ступнях погребения 1б, а нижние конечности были уложены на черепную крышку этого же погребенного.

Погребение № 1б было непосредственно под костяком 1а, на правом боку, со скорченными нижними конечностями и прижатыми к груди верхними конечностями, головой на Ю; принадлежало ребёнку 3–4 лет.

Погребение № 1в – в скорченном положении, на правом боку, головой на С – принадлежало ребёнку 9–10 лет.

Таким образом, все погребенные лежали на боку, в скорченном положении с поджатыми

ногами. Они, очевидно, были уложены в один приём в специально подготовленное углубление непосредственно друг на друга. Создаётся впечатление, что тела детей были как бы втиснуты в какую-то деревянную конструкцию, следы от которой не сохранились. Коллективный вид захоронения детей и особенности расположения костяков заставляет предполагать ритуальный его характер.

В ходе раскопок 2009 г. в центральной части поселения, возле очага 7, имевшего вид прокала восьмёркообразной формы (гл. фиксации 1,2 м; размер 1,76×3,74 м), С.Н. Коренюком изучены 3 погребения и выкладки из костей животных. Рядом с очагом найдена капля меди.

Погребение 2 – гл. фиксации 1,31–1,37 м от н.т. (0,54–0,6 м от поверхности) (рис. 10). Костяк взрослого человека, длиной до 1,7 м, сохранял анатомический порядок: вытянуто на спине, руки вдоль тела, головой на С с небольшим отклонением к СЗ; череп лежал на затылочной кости, его крышка, лицевой отдел, нижняя челюсть полностью разрушены более поздней распашкой; кисти рук (не сохранились), очевидно, находились в области таза. Грудная клетка и позвоночный столб отмечались только в виде тлена. Тазовые кости представлены фрагментарно. Нижние конечности сохранились частично. В нижней части диафиза правой малой берцовой кости зафиксирован нарост, вероятно, от неправильно сросшегося при жизни перелома. В пределах погребения выявлен клык медвежонка (амулет?) и каменный оселок. Сразу же под костяком зафиксирована выкладка из двух черепов и конечностей лошадей¹ (гл. фиксации 1,41–1,43 м). Рядом с погребением выявлено ещё одно выразительное скопление костей, среди которых отмечают конские «бабки» (1,29 м). В нём же найдены камни с признаками воздействия огня. Здесь же отмечены фрагменты позднеананьинской воротничковой керамики, декорированной двузубым гребенчатым штампом.

Погребение № 3 – гл. фиксации 1,32–1,38 м от н.т. (0,55–0,61 м от поверхности) (рис. 10). Умерший ориентирован головой на СВ, череп раздавлен, теменная часть разрушена пахотой. Отмечены только кости основания черепа с фрагментами нижней челюсти и 4 сохранившимися зубами. Около нижней челюсти сохранились фрагменты 3 шейных позвонков; еще 3 фрагмента выявлены рядом с тазовыми костями. Сохранились также фрагменты обеих бедренных костей. Находок в погребении не обнаружено. К З от него зафиксирован череп лошади (1,43 м от н.т.).

Погребение 4 – гл. 1,24–1,32 м от н.т. (0,45–0,52 м от поверхности) (рис. 10). Костяк длиной до 1,6 м принадлежал взрослому человеку, ориентирован головой на В с отклонением к СВ. Погребённый лежал вытянуто на спине, руки уложены вдоль тела. Кости черепа повреждены пахотой. Сохранилось лишь фрагменты основания черепа. В виде тлена прослеживались кости грудной клетки и лопаток. Средняя часть позвоночного столба вообще не сохранилась. Крайне плохо фиксировались поясничные позвонки, фрагменты тазовых костей, плечевые и локтевые кости. Остальные части верхних конечностей вообще не сохранились. От нижних конечностей остались фрагменты бедренных и берцовых костей. В пределах погребения отмечена керамика позднеананьинского облика. Рядом с захоронением зафиксировано два черепа лошадей и нижняя челюсть медвежонка. Здесь же найдены фрагменты воротничковой посуды, декорированной двузубым штампом. Исследованный сакральный комплекс, очевидно, может быть соотнесен с пространством культовой постройки (как на Гремячанском и Гляденовском святилищах), очертания которой в однородном культурном слое Заюрчимского I поселения не сохранились.

Зуевоключевское 1 городище (Удмуртская республика, Каракулинский район, прав. берег р. Камы). В ходе раскопок городища детские погребения были выявлены в разных частях площадки и в различных планиграфо-стратиграфических условиях (рис. 11–13). Но все описываемые ситуации связаны с ананьинским культурным слоем и объектами, происхождение которых определяется функционированием городища на позднем этапе АКЮ – не ранее V–IV вв. до н.э. (Черных, 2009, с. 81). Три захоронения младенцев связаны с остатками жилых сооружений, еще два погребения находились в межжилищном пространстве и одно – на территории святилища.

Погребение № 1 (рис. 12: 1). Детское захоронение изучено в пределах кв. АБ/21 (раскоп 1, 1970 г.), в слое №3 на северной периферии ананьинского укрепленного поселка. Судя по расположению костей, ребёнок был уложен на спине, головой на ЮЗ, в очень неглубокой яме (1,1×0,47 м) глубиной до 8 см. Рядом с костяком, слева, возле черепа и таза обнаружены несколько птичьих косточек (Голдина. Отчёт за 1970 г., с. 9). Для понимания реальных условий захоронения показательно, что слой № 3 представлял собой очень рыхлую супесь. Это позволяет высказать предположение, что захоронение осуществлялось, очевидно, в спешке, при минимальных затратах на устройство специальной могилы. Близкая стратиграфическая ситуация отмечена и для второго погре-

¹ Кости определены О. Г. Богаткиной.

бения, обнаруженного в западной части городища, в непосредственной близости от вала.

Погребение № 2. Захоронение подростка в кв. Ф/10 (рис. 12: 2, 13: 3) фиксировались по очертаниям пятна слоя №3а, чуть более темного цвета, нежели вмещающий зольный слой №3. Уровень фиксации – 20 (от современной поверхности), глубина – 8 см. Размеры пятна 1,42×0,6 м. Кости лежали в анатомическом порядке: умерший был уложен на спине, головой на З. Руки сложены на таз, кости стоп отсутствовали, бедренные перерублены и частично обожжены (Черных. Отчет за 2004 г., с. 12). Некалиброванная абсолютная дата, полученная в лаборатории ИИМК РАН по костному материалу (аналитик Г.И. Зайцева), соответствует возрасту 2420±160 ВР.

Три захоронения младенцев были обнаружены в границах жилых построек в С части площадки городища.

Погребение № 3 (рис. 13: 2). При разборке сооружения XVII обнаружено захоронение младенца между бытовым очагом и ямой, заполненной остатками костра (рис. 13: 4). Контуры могилы в слое, заполнявшем сооружение, не читались, ее размеры (0,5×0,1 м) установлены по костным останкам, уровень фиксации 40 см от современной поверхности. Младенец (в возрасте нескольких месяцев) был уложен на спине, головой на Ю (Черных. Отчет за 1999 г., с. 13).

Погребение № 4. В сооружении XVIII захоронение младенца было устроено вплотную к его СЗ стене (рис. 13: 1). Контуры ямы подквадратной формы (0,53×0,44 м) были прослежены на уровне фиксации очертаний пола жилища. В разрезе она имела наклонные стенки, плавный переход в округлое дно, глубина могилы от уровня фиксации 0,15 м. Заполнение могильной ямы отличалось от вмещающего значительным содержанием золы. Погребенный был уложен на спине, головой на Ю, ноги согнуты в коленях (Черных. Отчет за 1999 г., с. 17).

Погребение № 5. В сооружении XXV захоронение младенца было обнаружено также вблизи СЗ стенки, ниже уровня поверхности пола, в слое №21. Яма не фиксировалась. Глубина захоронения костей 5 см. Младенец был уложен на спине, судя по расположению костей, с подогнутыми ногами (рис. 13: 4), головой на С. Кости черепа лежали вперемешку с камнями, что, очевидно, послужило причиной их сильной раздавленности.

Еще одно захоронение младенца было обнаружено на территории святилища (рис. 11: 1), в Ю части городища (раскоп VI, кв. ю/32).

Погребение № 6. В научном отчете В.Ф. Генинга дан очень мелкий и весьма условный план погребения (рис. 11: 2) с фотогра-

фией (Отчет Генига за 1971 г., рис. 35, 39), на основании которых можно предположить, что младенец был погребен в верхней части заполнения сооружения, близ его Ю стенки, головой на ССЗ (череп сильно раздавлен), возможно, с подогнутыми ногами. В этой части площадки городища изучены остатки позднеананьинского святилища, где среди скопления обожженных костей животных на уч. а/33 найдена также челюсть взрослого человека (Черных, 2013, с. 159).

Ныргындинское II городище (Удмуртская республика, Каракулинский район, прав. приток р. Камы)².

Погребение № 1. В ходе спасательных раскопок в 1998 г. детское захоронение обнаружено в слое №3 ананьинского времени, на глубине 31–37 см от современной поверхности (кв. 3/22). Очертания ямы не зафиксированы (Голдина. Отчет за 1998 г.; Голдина, Черных, 2011, с. 73). Ребенок (длина костяка 71 см) был уложен вытянуто на спине, руки вдоль тела, головой на ССЗ (рис. 14).

Погребения №№ 2 и 3 обнаружены в кв. Р/32 на гл. 46–48 см. Кости в этом случае имели плохую сохранность, количество костяков выделено авторами раскопок условно, по пятнам слоя. Фрагментированные остатки в виде обломков черепов и трубчатых костей нижних и верхних конечностей были выявлены в пятнах белесоватой супеси, насыщенной золой (слой №7) (рис. 14). Пятна имели в плане неправильную округлую форму (0,38×0,45 м и 0,43×0,51 м, мощностью не более 2 см). Еще несколько обломков черепных и трубчатых костей зафиксированы рядом с пятнами, в слое №3. Среди костей захороненного №2 найдено бронзовое височное кольцо диаметром 2,7 см, из гладкой круглой проволоки со слегка заходящими друг за друга концами (рис. 14). Оно соответствует типу 27 височных украшений, получивших широкое распространение у скифов степной группы с IV в. до н.э. (Петренко, 1978, с. 35).

Аргыжское городище (Кировская область, Малмыжский район, лев. берег р. Вятки).

Коллективное погребение №1. Останки ребенка (п. 1а) были найдены вместе с разрозненными костями трех мужчин и женщины (п. 1б, 1в, 1г, 1д) в верхней части слоя, заполнявшего неглубокий котлован постройки III (рис. 15: 1). Скопление костей, включавшее обломки черепов и других частей скелета, занимало площадь 0,60×0,45 м. Кости лежали беспорядочно и были местами обожжены. Вперемешку с костями встречены мелкие

² Авторы искренне благодарят Р. Д. Голдину за возможность использовать в статье неопубликованные материалы городища.

обломки ананьинской керамики, в том числе миниатюрного сосуда. Постройка интерпретирована по целому ряду признаков как культовая (Черных и др., 2002, с.16).

Детские захоронения выявлены также в верхней части заполнения сооружения V. Два погребения расчищены вблизи противоположных стенок сооружения, при этом следы могильных ям не фиксировались. В коллективном погребении 4 находились останки трех человек (женщины 20–25 лет (п. 4а) и двух детей 3–4 (п. 4б) и 7–8 лет (п. 4в). Анатомический порядок костей нарушен (рис. 15: 2); часть из них обожжена посмертно, на некоторых имелись следы погрызов, что свидетельствует об открытости останков и отсутствии преднамеренного захоронения. Среди костей найдены фрагменты ананьинской керамики и обожженный зуб животного.

Коллективное погребение 5 принадлежало двум детям в возрасте 4–5 (п. 5а) и 8 лет (п. 5б). Стратиграфическая ситуация погребения та же, что и у предыдущего. Глубина залегания костей 55–80 см от современной поверхности. Умершие были уложены «валетом» (рис. 15: 3). У костяка А, обращенного головой к В, были разрушены кости грудной клетки, отсутствовали кости рук и стоп (при общей удовлетворительной сохранности костей). У костяка Б отсутствовал череп, кости ног были слегка подогнуты в коленях и уложены под черепом костяка А (Черных и др., 2002, с.18).

13. Тарасовское святилище (Удмуртская республика, Сарапульский район, прав. берег р. Камы).

Погребение №522 с площадки Тарасовского некрополя I–V вв. н.э. было вычленено среди прочих захоронений древнего кладбища и сопряжено с остатками святилища, устроенного на вершине тарасовского холма в последние века до рубежа эр (Голдина, Колобова и др., 2013, с. 20, рис. 15). Погребение принадлежало взрослому мужчине 40–50 лет и было совершено в небольшой овальной яме с плоским дном, размерами 1,1×0,62 м, ориентированной по линии СЗ–ЮВ. Под захоронение была выкопана неглубокая яма – 0,08 м. Останки умершего были сложены определенным порядком: кости ног уложены на кости плеч и предплечья, тазовые отсутствовали, голова в анатомическом порядке. Рядом с седьмым шейным позвонком обнаружен медный втульчатый наконечник стрелы (типологически неопределимый обломок).

Таким образом, в Нижнем и Среднем Прикамье на памятниках поздней стадии ананьинской культуры выявлены ритуальные захоронения с явными людскими жертвоприношениями – 49 человек. Значительная их часть (18–37%) приурочены к площадкам

памятников, которые, возникнув как поселения на рубеже VI–V вв. до н.э., трансформировались затем в святилища (Гремячанское, Гляденовское.). Остальные человеческие жертвы производились на центральных памятниках ряда ананьинских общинных территорий (Конецгорское, Заюрчимское I, Половинное I, Аргыжское, Зуевоключевское I). Они тяготели к локальным сакральным объектам в виде зольников, очагов и жертвенных ям, располагавшихся на их площадках. Характерно, что существенная часть жертв (16–33%) изучена в культовых постройках, напоминающих удмуртскую куалу (Гремячанское, Гляденовское, Аргыжское), в которых преобладали захоронения детей (64%) по отношению к взрослым погребениям (36%). В жилищах останки детей, которые следует квалифицировать как явные жертвы строительного инфантицида, отмечены только в четырёх случаях – поселение Заосиновское I и городище Зуевоключевское I (8% от всех человеческих или 11% от всех детских жертв).

Среди человеческих жертвоприношений на позднеананьинских памятниках Нижнего и Среднего Прикамья резко преобладают кровавые ритуалы, связанные с детьми (37 человек – 75%). Возраст детей, принесённых в жертву, варьировался от грудного возраста до 12–14 лет. В соответствии с относительно установленными возрастными группами (30 из 36 погребений) исследованные детские захоронения отнесены к следующим периодам жизни: младенчество (до 1 года) – 17 захоронений (57%), раннее детство (от 1 до 7 лет) – 5 захоронений (17%); предпоздностковый возраст (8 – 11 лет) – 7 захоронений (23%); подростковый возраст (12–16 лет) – 1 захоронение (3%). К сожалению, половая характеристика ритуальных детских захоронений не установлена. Характерно, что крайне мало антропологических остатков, связанных с подростками близкими к инициационному возрасту (12–16 лет).

Почти половина ритуальных захоронений не обладала анатомическим порядком (22 – 45%), что, очевидно, определено неглубоким залеганием их и механическим воздействием грызунов на скелеты людей. Явные следы расчленения скелетов отмечено в трёх случаях. Ряд костяков в жертвенных захоронениях имело следы воздействия огня (12–24%). Из них погребение подростка (Гремячанское поселение-святилище) совершено по обряду частичного трупосожжения. Ориентировка отмечена у 29 ритуальных захоронений (59%). Она крайне неустойчива: 3 – 8 погр. (28%); В – 4 погр. (14%); С – 3 погр. (10%); Ю – 3 погр. (10%); ЮЗ – 2 погр. (7%); СЗ – 4 погр. (14%); СВ – 2 погр. (7%); ЮВ – 3 погр. (10%). Из них

почти половина (14–48%) имела направление, тяготеющее к западному вектору.

Чем объяснить столь резкое проявление человеческих жертвоприношений в социальной жизни именно позднеананьинских общин Нижнего и Среднего Прикамья? Археологические источники предыдущих и последующих эпох представляют крайне скудные данные об этих кровавых обрядах в регионе. Самые ранние свидетельства о возможных «строительных» человеческих жертвах получены в ходе изучения жилищ эпохи энеолита – поселения Лобань I в бассейне р. Вятки (Гусенцова, Сенникова, 1980, с. 120, 121), Симониха II в Удмуртском Прикамье (раскопки В.П. Денисова в 1971 г.). Отдельные следы человеческих жертвоприношений отмечены в жилищах поселений эпохи поздней бронзы низовьев р. Вятки (Збруева, 1950, с. 75). В последующих эпохах их следы отмечены в слоях святилищ гляденовской культуры – Юго-Камском и Усть-Туйском костыщах (Поляков, 1967, с. 204; 2001, с. 12).

По справедливому замечанию С.А. Токарева, появление человеческих жертвоприношений и ритуального каннибализма в обрядовой практике древнего населения нередко связаны с социумами, достигшими «относительно высокого уровня общественного развития» (Токарев, 1990, с. 596, 597). Заметное социальное размежевание в древних общинах Нижнего и Среднего Прикамья наблюдается в раннеананьинский период (кон. X – I пол. VI вв. до н.э.), когда в связи с милитаризацией общества происходит формирование страт военных вождей и воинов различных рангов (Збруева, 1952, с. 156; Халиков, 1977, с. 94, 95; Иванов, 1984, с. 84; Патрушев, 1993). Однако реальных людских жертвоприношений в раннеананьинских слоях поселений Среднего и Нижнего Прикамья до сих пор не выявлено. В VI в. до н.э. выразительные милитаризованные раннеананьинские некрополи в регионе прекращают своё функционирование. Это явление следует рассматривать как социальное и связывать его с военно-политической стабилизацией в Приуралье. Военная власть вождей постепенно переходит в теократическую форму управления древними общинами (Коренюк, Мельничук, 2007, с. 67).

Этот процесс находит подтверждение в появлении именно в позднеананьинскую эпоху крупных общинных поселений-святилищ (Гремячанское, Конецгорское, Половинное I, Гляденовское, Юго-Камское). Часть из них в последней четверти I тыс. до н.э. трансформируется в своеобразные жертвенные места – костыща (Лепихин, Мельничук, 1997, с. 45). Именно на площадках этих эгалитарных святилищ во время культовых церемоний аккумулировались престижные изделия из

цветных, а иногда драгоценных металлов и распределялся избыточный ресурс производимых древними общинами продуктов земледелия и животноводства (Коренюк, Мельничук, 2007, с. 67). Причём количество животных, прежде всего, домашнего скота, принесённых в жертву, было весомо. Это свидетельствует о высоком уровне скотоводства в ананьинском и гляденовском обществах. В ходе раскопок жертвенных мест Среднего Прикамья собран палеозоологический материал, содержащий наибольшее число особей домашних животных среди прочих памятников раннего железного века Прикамья. В материалах Гремячанского поселения-святилища (раскопки А.Д. Вечтомова на площади 2463 м²) определены кости от 583 особей домашних животных (Андреева, 1968, с. 122, табл. 1), что является до сих пор непревзойденным количественным уровнем для палеозоологических коллекций из памятников ананьинского мира (Петренко, 2004, табл. 4.).

В связи с огромной ролью животноводства в экономике позднеананьинских общин Нижнего и Среднего Прикамья резко меняются социальные и идеологические представления древнего населения. Это приводит не только к социальной стратификации в ананьинских социумах, но и к зарождению политеистических воззрений, связанных с появлением конкретных божеств-демиургов. Данный процесс хорошо документирован появлением в позднеананьинской и раннегляденовской культовой металлопластике образов, отражающих сложные мифологические представления древних обществ Прикамья, которые можно рассматривать как предтечу знаменитого пермского звериного стиля. Мы имеем в виду антропо-орнитофорные (Скородум, Гляденовское) и антропоморфные (Гремячанское, Гляденовское) идолы, всадники на конях (Гляденовское), всадницы на волках (Гляденовское). Видимо, во второй половине I тыс. до н.э. в Нижнем и Среднем Прикамье складывался первичный пантеон божеств. Наиболее значимым из них, управляющим природными стихиями, от которых зависела жизнедеятельность людей, приносились кровавые жертвы.

Появление человеческих жертвенных захоронений на святилищах раннего железного века Нижнего и Среднего Прикамья убедительно сопрягается с мифом о происхождении народа коми, в котором бог Йомаль посылает к его предкам чёрного коршуна за кровавыми жертвами детей и домашних животных (Фольклор народа Коми, 1937, с. 43). В позднеананьинское и раннегляденовское время на святилищах (в частности, это можно видеть в материалах Гляденовского костыща) широко распространяются изображения хищных птиц

в геральдической позе, иногда с человеческой личиной на груди, которые можно рассматривать как ипостась или воплощение божества, близкого к Йомалю. Мелкие и невзрачные изображения пернатых, очевидно, можно интерпретировать как души предков (Коренюк и др., 2013, с. 42).

Характеризуя причины появления людских жертвоприношений в позднеананьинскую эпоху, мы можем обратиться к точке зрения Н.И. Винокурова, детально проанализировавшего практику человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время в Крымском Приазовье. Исследователь отмечает, что «жертва выступала как бы видимым медиатором между живущими людьми и божеством, находившимися под землей умершими предками, которые призывались повлиять на урожайность и плодородие земли и на благополучие всего сущего, с ними связанного. Наиболее «естественными» и угодными богам были жертвы младенцев, которые в языческих религиозных системах представлялись тесно связанными с потусторонним миром и наиболее приближенными к божественным силам, так как занимали некое пограничное положение между миром живых и миром мертвых... Следует полагать, что человеческие жертвоприношения в цивилизованных древних сообществах могли быть вызваны только какими-то экстраординарными обстоятельствами: войнами, природными катаклизмами, неурожаями, голодовками, эпидемиями, искуплениями за тяжелые преступления» – курсив авт. (Винокуров, 2004, с. 82). Связь человеческих жертвоприношений с экстремальными периодами в жизни древних обществ неоднократно отмечали и другие авторитетные исследователи (Фрезер, 1986, с. 540; Тейлор, 1989, с. 480; Рыбаков, 1987, с. 300; Белецкая, 1978, с. 65–68; и др.).

Несколько другой характер, очевидно, могли иметь ритуальные детские захоронения, выявленные в пределах жилищ поздней стадии ананьинской культуры (11% от всех детских погребений). Их следует рассматривать как интрамуральные погребения, которые получили распространение на Южном Урале и в Западной Сибири в культурах энеолита и бронзового века (Потемкина и др., 1995; Чича..., 2004, с. 285–287; Новикова, 2011; Виноградов, Берсенева, 2013; Берсенева, 2014). Данные ритуальные захоронения детей исследователи рассматривают по-разному: 1) как ифантицид – совершение жертвоприношения при закладке строения или его оставлении («строительная жертва»), 2) как естественную смерть детей и погребение их в родном доме, объясняемое причинами религиозного характера. Обычно предпочтения отдаются гипотезам, основанным на

идее «возрождения умерших младенцев» в семье или сохранения фертильности проживающих в доме женщин (Алексин, 1986, с.152).

Погребения под полами жилищ связывают также с проявлениями культа предков и культа плодородия. Подобные случаи в синташтинском обществе эпохи бронзы Южного Урала объясняются исследователями заботой о сохранении или восстановлении фертильности (людей, скота). Дети причислялись в общественном сознании к сонму предков, хотя и занимали низшие или подчиненные места в иерархии социума (Берсенева, 2014, с. 80).

Таким образом, изученные человеческие жертвоприношения на памятниках поздней стадии ананьинской культуры Среднего и Нижнего Прикамья раскрывают всю сложность и противоречивость культовой обрядности древнего населения раннего железного века этого региона. Среди человеческих жертвоприношений резко (73%) преобладают детские. Из них большинство детей младенческого возраста (57%). Остальные жертвы соотносятся с ранним детством (17%) и пред-подростковым возрастом (23%). Ритуальных захоронений явных подростков инициационного возраста (12–16 лет) обнаружено крайне мало (3%), т.е. дети, готовящиеся к посвящению в полноправные члены своего социума, в жертву приносились редко, по всей видимости, в особенных случаях. Значительно реже (27%) кровавым ритуалам подвергались взрослые люди, возможно, являвшиеся военнопленными или рабами, т.е. чужаками, не прошедшими социальной адаптации в ананьинском обществе (Куббель, 1988, с. 201). Данные жертвоприношения явно приносились в экстремальные периоды жизни позднеананьинских общин (голод, мор, стихийные природные явления, военные конфликты), а также, судя по материалам святилищ Гляденовское и Половинное I, при проведении сложных обрядов, сопровождавших металлургическое производство. В ранний период гляденовской культуры (до первых веков I тыс. н.э.) на святилищах-костищах (Юго-Камское, Усть-Туйское) продолжались человеческие жертвоприношения. Однако к концу гляденовской эпохи (III–IV вв.) они исчезают, о чём свидетельствует отсутствие следов людских жертв в слоях поздних костищ (Ильинское, Слепушка), где прекрасно сохранялся остеологический материал. На памятниках средневековых ломоватовской и родановской культур следов явных человеческих жертвоприношений до сих пор не обнаружено. Более скромными становятся ритуальные обряды, связанные и с жертвованием домашних животных (Голдобин и др., 2016, с. 42). Ближайшие в таёжной Евразии в хроно-

логическом аспекте редкие человеческие жертвоприношения (до 7 случаев) отмечены на памятниках раннего железного века Приобья (Усть-Полуйское святилище, Саровское городище) и раннего средневековья (городище Старый Катыш V–VI вв.). Однако, в отличие от Прикамья детское ритуальное захоронение отмечено в одном случае (Саровское), а среди взрослых отмечаются жертвенные захоронения 3 отдельных черепов (Саровское, Старый Катыш), а также разрозненных костей и двух сохранившихся погребений на Усть-Полуйском святилище (Чиндина, 1984, с. 49; Гусев, Фёдорова, 2012, с. 10, 13, 14, 22; Растропов, 2014, с. 248).

Отзвуки давних кровавых ритуалов отражены в легендах, фольклоре и обрядности финно-угорского населения нового и начала новейшего времени XIX – начала XX в. Много данных о наличии чаще всего экстремальных (голод, неурожай, мор и эпидемии) и реже строительных человеческих жертв в древности у населения Прикамья было накоплено профессором Казанского университета И.Н. Смирновым, этнографами-краеоведами Н.Н. Блиновым и Г.Е. Верещагиным в ходе изучения обрядовой практики удмуртов второй половины XIX в. (Смирнов, 1889; Блинов, 1898, с. 37, 38, 46, 82, 92; Верещагин, 1911; 1996; 1998). К сожалению, известный Мултанский процесс 1892 г. серьёзным образом сказался на обоснованности ряда этнографических наблюдений указанных исследователей, особо касающихся их взглядов на былое существование человеческих жертвоприношений у предков удмуртов (Коробейников, 2009; Гибадуллина, Гибадуллин, 2012, с. 65, 82–89).

У народа коми в силу ранней русской колонизации и христианизации Перми Старой и Перми Великой (XIV–XV вв.) в легендах и фольклорных источниках известий, связанных с кровавыми ритуалами их далёких предков, зафиксировано немного. Характерно, что они отмечены только у северных (архангельских) коми-зырян (ижемцев) и ненцев, на территории которых монастырская колониза-

ция не получила распространения (Микушев, 1973, с. 78–60). Среди них выделяется, на наш взгляд, достаточно архаичный миф о происхождении народа коми, в котором ярко проявляется сюжет детских жертвоприношений богу Йомалю (Фольклор народа Коми, 1937, с. 43). Привлекает внимание легенда, записанная в 1868 г., о наличии экстремальных людских жертв, в частности в период голода (Коми народный эпос, 1987, с. 553–555).

Учитывая пассивную миссионерскую практику русской православной церкви среди ясачного угорского и самодийского населения в таёжном Зауралье, выразившуюся в незаконченности его христианизации и в отсутствии явных следов евангелизации (Перевалова, 2004, с. 62–84), в обрядовой практике и в мифологии обских ханты и манси, в отличие от приуральских коми, сохранилось намного больше свидетельств о человеческих жертвоприношениях. Кровавые ритуальные человеческие жертвы у обских угров носили явный экстраординарный характер – голод, мор, война (Мифы и предания..., 1990, с. 172; Карьялайнен, 1995, с. 104; Головнёв, 1995, с. 175, 176). Следует отметить упоминания о детских жертвоприношениях, посвященных верховным божествам и духам. Интересно, что ребёнка-сироту, принесённого в жертву Полым-Торэму на святилище, закололи острыми стрелами (Мифы и предания..., 1990, с. 180; Карьялайнен, 1995, с. 105). На святилищах вогулов и остяков, по данным С.В. Бахрушина, в особых случаях человеческие жертвоприношения, чаще всего детей, практиковали наравне с традиционными жертвоприношениями животных в позднем средневековье и новое время (Бахрушин, 1955, с. 105, 107–109).

Справедливо мнение Л.Д. Макарова, что при дальнейшем изучении вопросов интерпретации людских жертв на древних памятниках Приуралья требуется создать «новые методологические разработки, опирающиеся на всесторонний анализ разнообразных источников», что позволит более детально осветить трагические стороны жизни древних обществ этого региона (Макаров, 2000, с. 193).

ЛИТЕРАТУРА

- Алёшкин В.А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (по археологическим материалам Средней Азии и Ближнего Востока). Л.: Наука, 1986. 191 с.
- Андреева Е.Г. Фауна из раскопок Гремячанского поселения // Труды КАЭ. Вып. IV / УЗ ПГУ. № 191 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1968. С. 120–132.
- Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Научные труды. Т. III. М.: АН СССР, 1955. 151 с.
- Белецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.: Наука, 1978. 235 с.
- Берсенева Н.А. Маленькие предки? Детские погребения в контексте синташтинского погребального обряда (эпоха бронзы Южного Зауралья) // Восхождение к вершинам археологии: Сб. матер. междунар. конф.

«Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвященной 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. Алматы: Институт археологии им. А.К. Маргулана, 2014. С. 76–82.

Блинов Н. Н. Языческий культ вотяков. Вятка: Губ. тип., 1898. 103 с.

Верецагин Г.Е. Человеческие жертвоприношения вотяков // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. №№ 10, 12. С. 784–788, 996–1001.

Верецагин Г.Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии // Собрание сочинений. Т. 2. Ижевск: УИИЯЛ, 1996. 204 с.

Верецагин Г.Е. О былом каннибализме у инородцев // Собрание сочинений. Т. 3, кн. 1: Этнографические очерки. Ижевск: УИИЯЛ, 1998. С. 185–190.

Вечтомов А.Д. Раскопки Гремячанского поселения на р. Тулве // Вопросы археологии Урала. Вып. 2 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1962. С. 85–89.

Вечтомов А.Д. Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // Труды IV Уральского археологического совещания / УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 133 – 155.

Вечтомов А.Д. К вопросу о племенной организации населения Среднего Прикамья в эпоху раннего железного века // Труды КАЭ. Вып. IV / УЗ ПГУ. № 191 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1968. С. 72–86.

Вечтомов А.Д. Раскопки Половинного I селища // АО – 1971. М.: Наука. 1972. С. 187–188.

Вечтомов А.Д. Идеологические представления ананьинского населения Среднего Прикамья. Рукопись // Архив кабинета археологии ПГНИУ. Пермь, 1973. 45 с.

Вечтомов А.Д. Работы Пермского отряда // АО – 1974. М.: Наука. 1975. С. 141–142.

Виноградов Н.Б., Берсенева Н.А. Интрамуральные захоронения детей на поселениях первой трети II тыс. до н.э. (в Южном Зауралье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 3. С. 59–67.

Винокуров Н.И. Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время: (По материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья) // Opus-2004. Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3 / Отв. ред. М.Б. Медникова. М.: ИА РАН. 2004. С. 55–87.

Генинг В.Ф. Отчет об исследованиях Зуево-Ключевского I городища в Каракулинском районе Удмуртской АССР летом 1971 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4545.

Гибадуллина Н.М., Гибадуллин Р.М. Смирнов И.Н. – профессор Императорского Казанского университета. Казань, 2012. 275 с. Режим доступа: ineka.ru:778...Гибадуллин Р.М...Смирнов – профессор.

Голдина Р.Д. Отчет об исследованиях Удмуртского отряда Нижне-Камской археологической экспедиции летом 1970 года // Архив ИА РАН. Р-1. № 4098.

Казанцев Р.С., Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. Исследование жертвенных мест в Пермском Приуралье // АО – 1996. М.: Наука, 1997. С. 250–252.

Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Т. 2. Томск: Томск. ун-т, 1995. 290 с.

Коми народный этнос. М.: Наука, 1987. 688 с.

Кореньюк С.Н. Исследования раннеананьинских памятников в южнотаёжном Прикамье // АО Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: ИЯЛИ, 1989. С. 64–67.

Кореньюк С.Н., Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. Исследования культовых памятников раннего железного века в Среднем Приуралье // АО Урала и Поволжья / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1994. С. 67–70.

Кореньюк С.Н., Мельничук А.Ф. «Переселение народов» в археологии Среднего Приуралья // Вестник Пермского университета. История и политология. Вып. 3 (8). Пермь, 2007. С. 62–71.

Кореньюк С.Н., Мельничук А.Ф. Гляденовский историко-археологический комплекс: проблема сохранения и музефикации // Археология сокральных мест России: Сб. тез. докл. науч. конф. с междунар. участием (Соловки, 7–12 сентября, 2016 г.) / Отв. ред. А.Я. Мартынов. Соловки: Соловец. музей-заповедник, 2016. С. 127–131.

Кореньюк С.Н., Мельничук А.Ф., Чагин Г.Н. Об «угорском» фоне в этнической интерпретации высокохудожественных изделий пермского звериного стиля // Этнокультурное наследие пермских финнов: МВНПК / Ред., сост. С.М. Аристова. Кудымкар: ПНЦ УрО РАН, 2013. С. 28–51.

Кореньюк С.Н., Оборин В.А. Работы Камской экспедиции // АО – 1986. М.: Наука, 1988. С. 174–175.

Коробейников А.В. По кривой дороге, или к чему привело нашу науку забвение трудов о. Николая Блинова // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. № 3. Ижевск, 2009. С. 45–60.

Куббель Л.Е. Возникновение частной собственности, классов и государства // История первобытного общества. Эпоха классового образования / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1988. С. 140–269.

Лепихин А.Н. Исследования костиц гляденовского времени в Прикамье // АО – 1995. М.: Наука. 1996. С. 211–273.

Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. Гляденовское костыше: Каталог из собрания Пермского краеведческого музея. Вып. 3. Пермь: ПОКМ, 1997. 15 с.

Макаров Л.Д. Человеческие жертвоприношения у народов Прикамья (попытка анализа археологических источников) // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы: ММНК / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: ИЯЛИ, 2000. С. 191–195.

Мельничук А.Ф. Исследование памятников железного века в Среднем Прикамье // АО – 1983. М.: Наука, 1985. С. 163–164.

Мельничук А.Ф., Мокрушин В.П., Соболева Н.В. Раскопки Пермского университета // АО – 1986. М.: Наука, 1988. С. 183–185.

Мельничук А.Ф., Оборин В.А. Новые исследования Гремячанского поселения-святилища // АО Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: ИЯЛИ, 1989. С. 75–78.

Мифы, предания, сказки ханты и манси. М.: Наука, 1990. 568 с.

Мокрушин В.П. Археологические исследования на территории Пермского и Кунгурского районов Пермской области // АО Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: ИЯЛИ, 1989. С. 81–83.

Мокрушин В.П. Новые материалы по раннему железному веку Прикамья // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1 / Гл. ред. А.Ф. Мельничук. Березники: Тип. купца Тарасова, 2001. С. 87–94.

Новикова О.И. Интрамуральные погребения эпохи бронзы Западной Сибири: проблемы интерпретации // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 1 / Отв. ред. Е.Н. Носов и др. СПб. – Великий Новгород – Старая Русса: ИИМК, 2011. С. 261–262.

Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костыше // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Т. XI. Пермь, 1914. С. 19–97.

Патрушев В.С. Общественные отношения в Волго-Камье в VII–VI вв. до н. э. (опыт археолого-социологического анализа материала могильников // Финно-угры России. Вып. 1 / Отв. ред. В.С. Патрушев. Йошкар-Ола: МарГУ, 1993. С. 158–181.

Петренко А.Г. Археозоологические материалы к изучению истории животноводства и охоты у ананьинского населения Волго-Камья и Предуралья // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 2 / Отв. ред. А.Г. Петренко. Казань: ИИ АН РТ, 2004. С. 5–25.

Петренко В.Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. / САИ. Вып. Д4–5. М.: Наука, 1978. 143 с.

Первалова Е.В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 414 с.

Поляков Ю.А. Итоги изучения памятников гляденовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье // Труды IV Уральского археологического совещания / УЗ ПГУ; № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 197–215.

Поляков Ю.А. Гляденовская культура // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1 / Гл. ред. А.Ф. Мельничук. Березники: Тип. купца Тарасова, 2001. С. 10–19.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышь в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). М.: ПАИМС, 1995. 151 с.

Расторопов А.В. Исследования комплекса археологических памятников в бассейне Конды у села Старый Катыш // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований / Науч. ред. В.А. Борзунов. Екатеринбург: Магеллан, 2014. С. 246–254.

Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 783 с.

Смирнов И.Н. Следы человеческих жертвоприношений в поэзии и религиозных обрядах приволжских финнов: (Публичная лекция, читанная 31 марта 1889 г. в пользу Об-ва археологии, истории и этнографии). Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1889. 22 с.

Тейлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 447 с.

Тиунов В.Ф. Промышленное развитие Западного Урала: историко-экономический очерк. Кн. 1. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1954. 208 с.

Токарев С. А. Ранние формы религии. М.: Политиздат 1990. 624 с.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале раннего железного века (VIII–VI вв. до н.э.) М.: Наука, 1977. 262 с.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях в Каракулинском районе Удмуртской Республики летом 1999 года (Зуевключевское I городище). Т. II. Ижевск, 2005 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 355. 99 с.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях в Каракулинском районе УР (Зуевключевское I городище) в 2004 г. Ижевск, 2005 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 435.

Черных Е.М. Некоторые итоги изучения культурного слоя Зуевоключевского I городища в Удмуртском Прикамье // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / АЕС. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕИАМЗ, 2009. С. 76–97.

Черных Е.М. Поздненаньинское святилище на Зуевоключевском I городище (Нижнее Прикамье) // Поволжская археология. 2013. №1 (3). С. 153–165.

Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятке. М.: Регулярная и хаотическая динамика, 1988. 188 с.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Т. 2 / Отв. ред. В.И. Молодин, Г. Парцингер. Новосибирск–Берлин: ИАЭ СО РАН, 2004. 336 с.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: ТГУ, 1984. 256 с.

Фольклор народа Коми. Т. 1: Предания и сказки / Под ред. И.Н. Новикова. Архангельск: Архоблгиз, 1937. 223 с.

Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1986. 703 с.

Информация об авторах:

Кореньюк Сергей Николаевич, научный сотрудник научно-исследовательской части Пермского государственного национального исследовательского университета, заместитель начальника Камской археологической экспедиции (г. Пермь, Россия); korenyuk_sn@mail.ru

Мельничук Андрей Федорович, кандидат исторических наук, доцент кафедры древней и новой истории России, Пермский государственный научно-исследовательский университет (г. Пермь, Россия); dmelnichuk@mail.ru

Черных Елизавета Михайловна, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии, Институт истории и социологии, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); arch@udm.ru

HUMAN SACRIFICES IN ANANYINO SETTLEMENTS OF THE LOWER AND MIDDLE KAMA REGIONS (LATE 6TH-3RD CENTURIES B. C.)

S.N. Korenyuk, A.F. Melnichuk, E.M. Chernykh

The article features an analysis of human sacrifices at the sites of the Late Ananyino culture (late 6th - 3rd centuries B.C.) located in the Lower and Middle Kama regions. The authors determine the reasons for their appearance in Late Ananyino societies. The majority of ritual burials are associated with sanctuary sites (Gremyachanskoe, Glyadenovskoe) or with the sacred sites of large settlements (Argyzhskoe, Zuevoklyuchevskoe I). They are generally represented by child burials. The bloody rituals were less frequently conducted with the involvement of adults represented by prisoners or slaves. Evidently, the initial pantheon of deities developed in the Ananyino society of the Kama region in the second half of the 1st millennium B.C. The most significant of the deities who controlled the natural elements which the life of the population depended on in the case of extreme events, were the ones in whose honour they made human sacrifices.

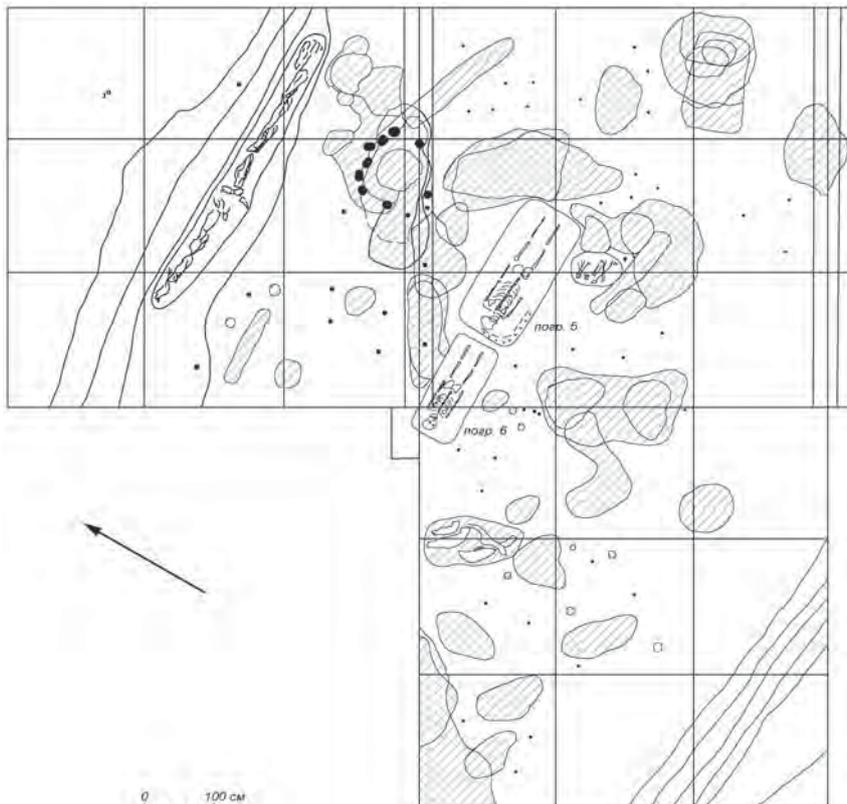
Keywords: archaeology, Kama region, Ananyino culture, human sacrifices, sanctuaries, cult buildings, infanticide.

About the authors:

Korenyuk Sergey N. Perm State National Research University, Kama Archaeological Expedition. Bukireva St., 15, Moscow, 614990, Russian Federation; korenyuk_sn@mail.ru

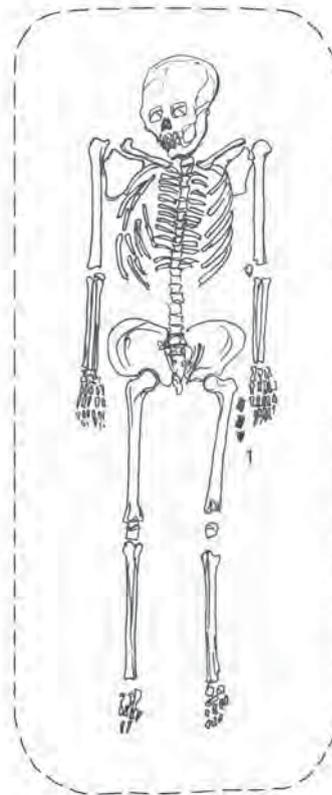
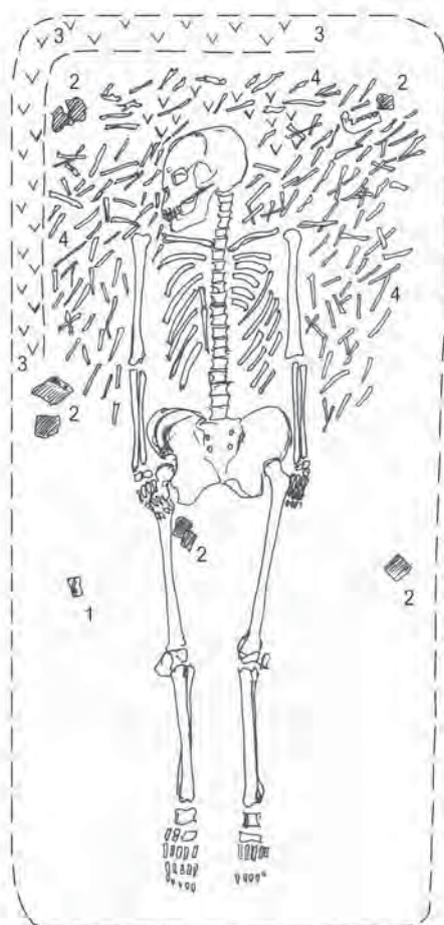
Melnichuk Andrey F. Candidate of Historical Sciences. Perm State Scientific Research University. Bukireva St., 15, Moscow, 614990, Russian Federation; dmelnichuk@mail.ru

Chernykh Elizaveta M. Candidate of Historical Sciences. Professor. Udmurt State University, Universitetskaya St., 1, Izhevsk, 426034, the Udmurt Republic, Russian Federation; arch@udm.ru

Рис. 1. Гремячанское поселение-святилище. Фрагмент раскопа А.Д. Вечтомова (1960 г.) со схематически обозначенными объектами (прорисовка по чертежам авторского отчета выполнена Л.И. Липиной)

← погребение 5 → погребение 6 →

Рис. 2. Гремячанское поселение-святилище. Планы погребений 5 и 6

0 30 см
1 – обломок глиняной фигурки
2 – фрагменты керамики
3 – угольные прослойки
4 – обломки костей

1 - фрагменты кожного изделия

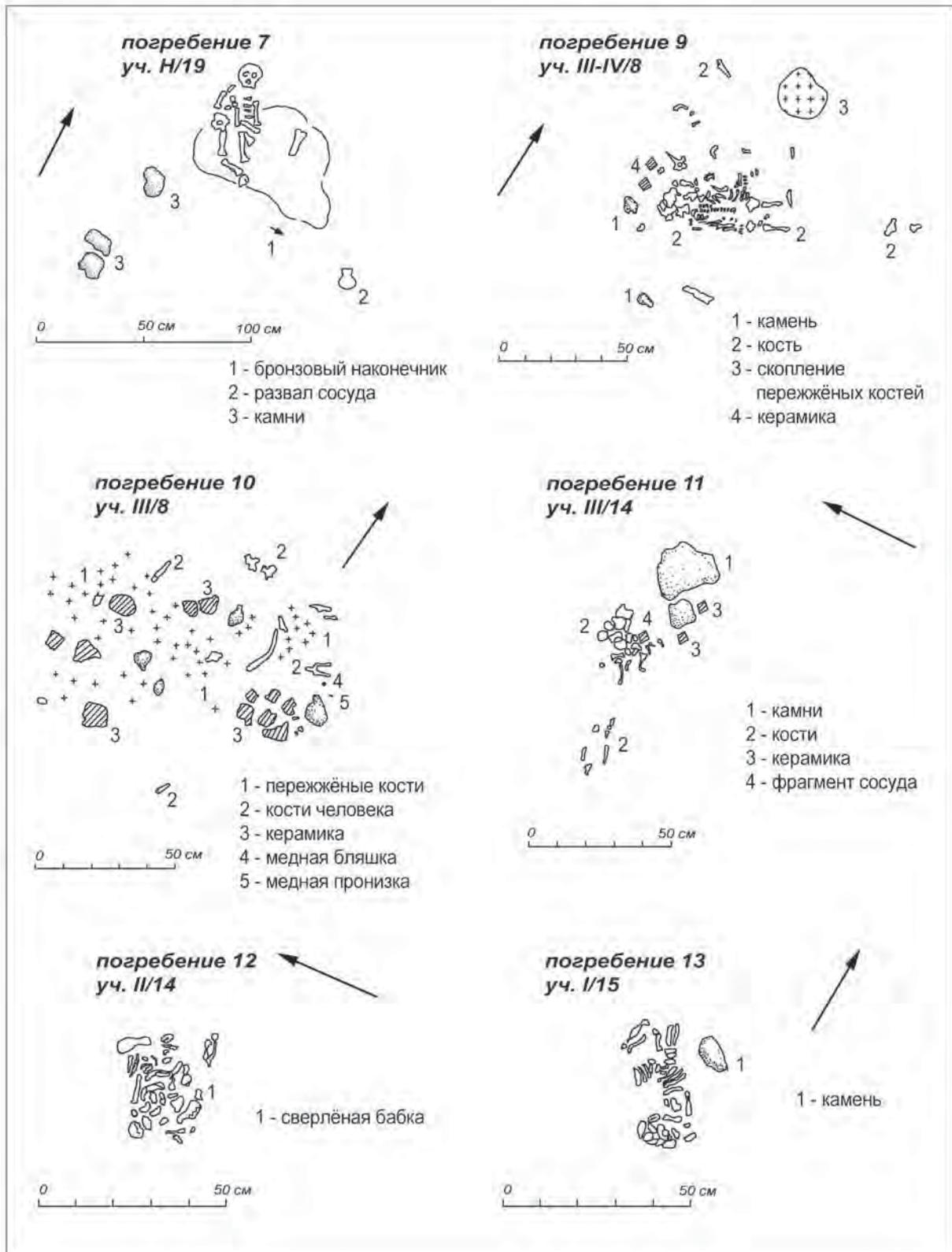
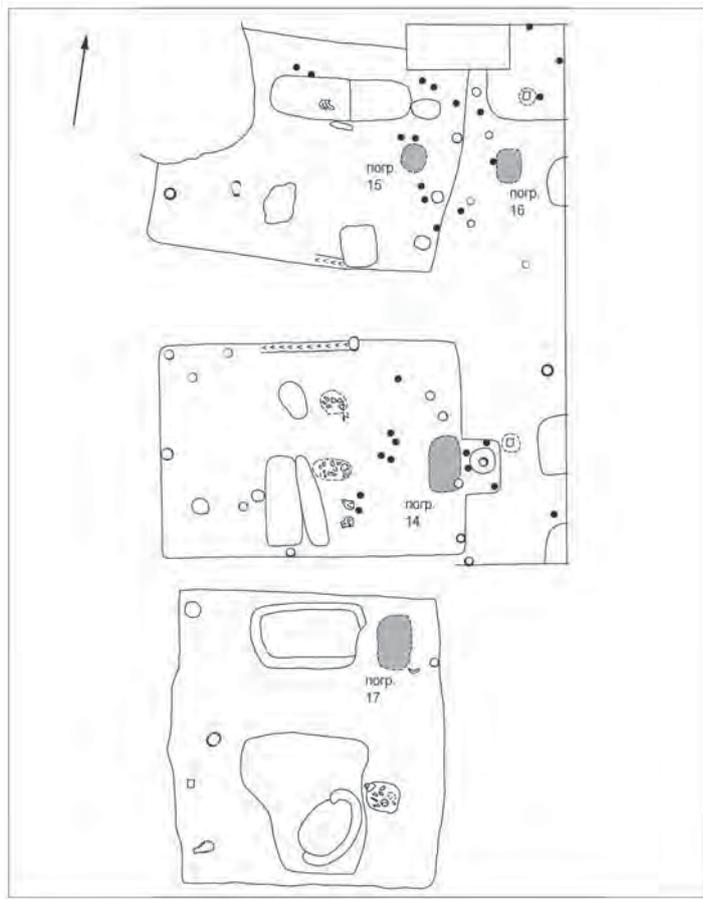
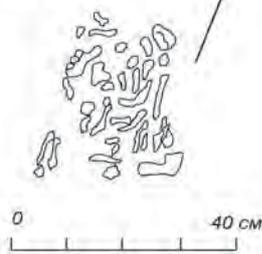

Рис. 3. Гремячанское поселение-святилище. Планы погребений 7, 9–13

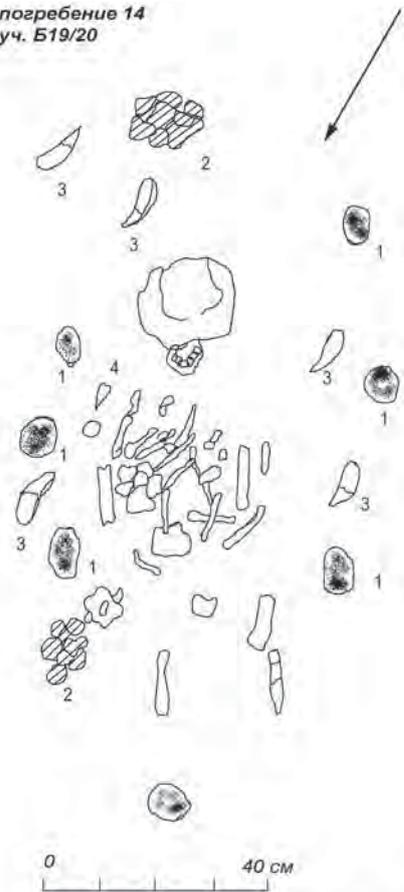

Рис. 4. Гремячанское поселение-святилище. Фрагмент раскопов 1992–1993 гг. со схематически обозначенными культовыми постройками (прорисовка Л.И. Липиной)

погребение 15
уч. Б/20

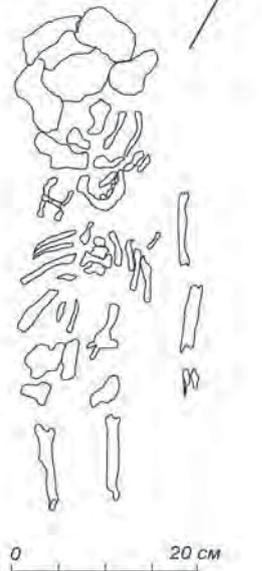

погребение 14
уч. Б19/20

Рис. 5. Гремячанское поселение-святилище. Планы погребений младенцев, погр. 14–16

погребение 16
уч. А/20

- 1 - плоские гальки
- 2 - развал сосуда
- 3 - клыки медведя
- 4 - коготь медведя

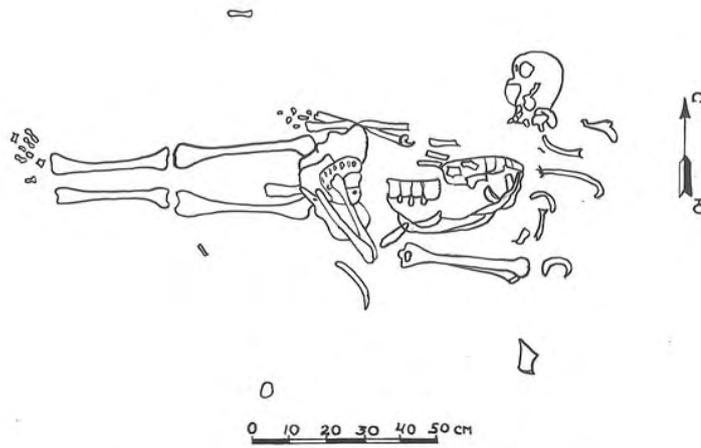

Рис. 6. Половинное I поселение. Погребение 1 (фото и прорисовка)

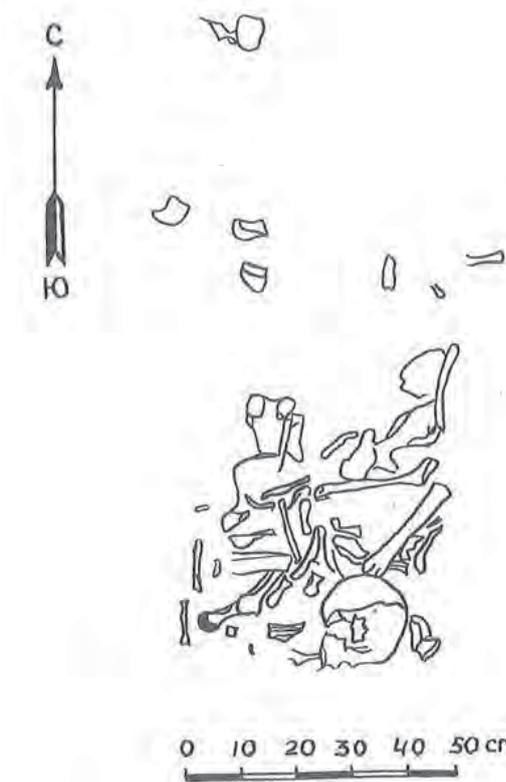

Рис. 7. Половинное I поселение. Погребение 2 (фото и прорисовка)

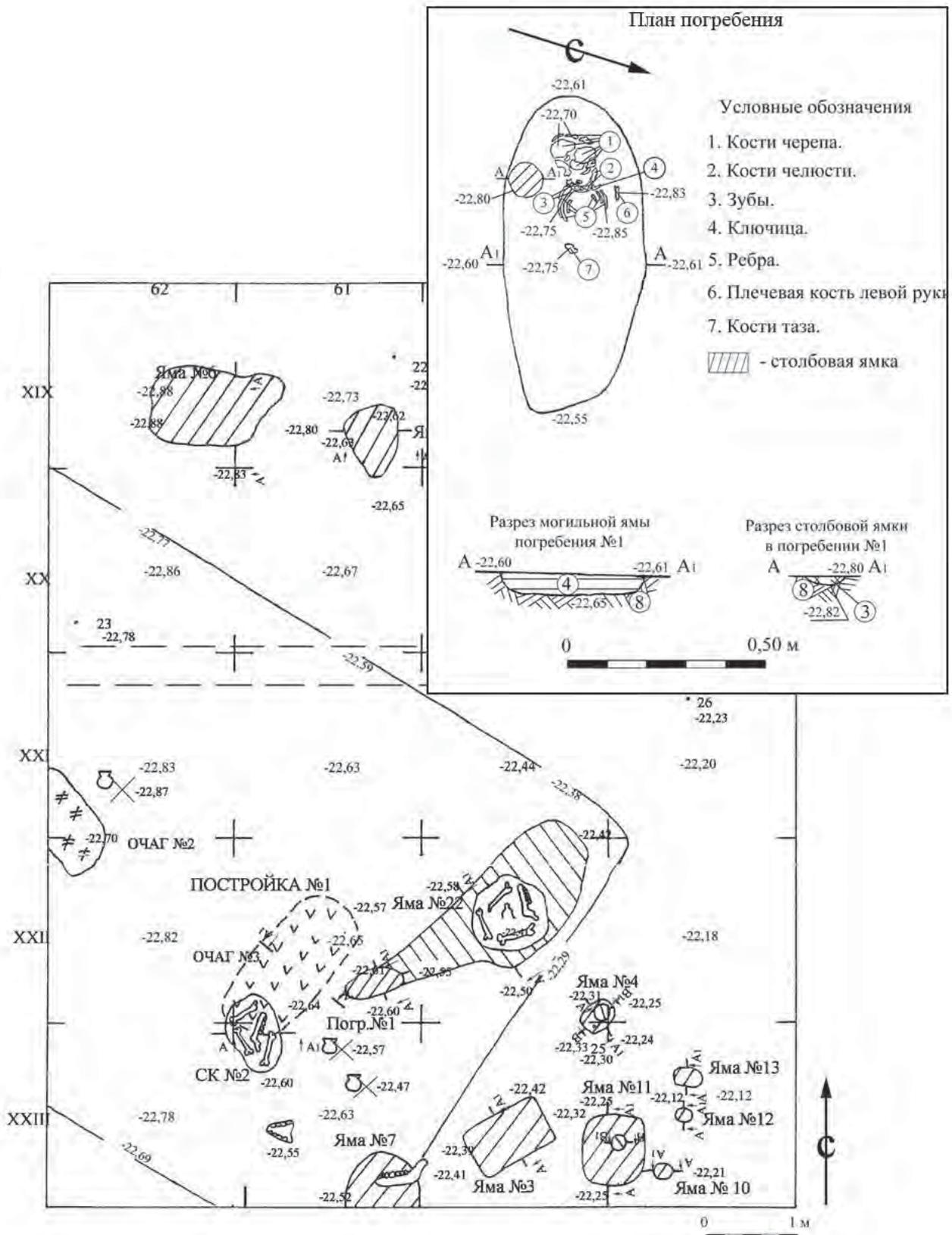

Рис. 8. Гляденовское городище-костище. План культовой постройки и погребения

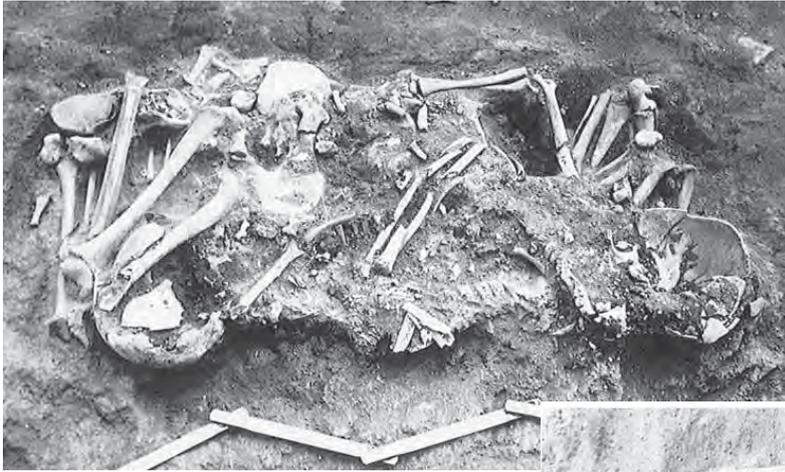

Рис. 9. Загорчимское I поселение.
Коллективное детское погребение 1

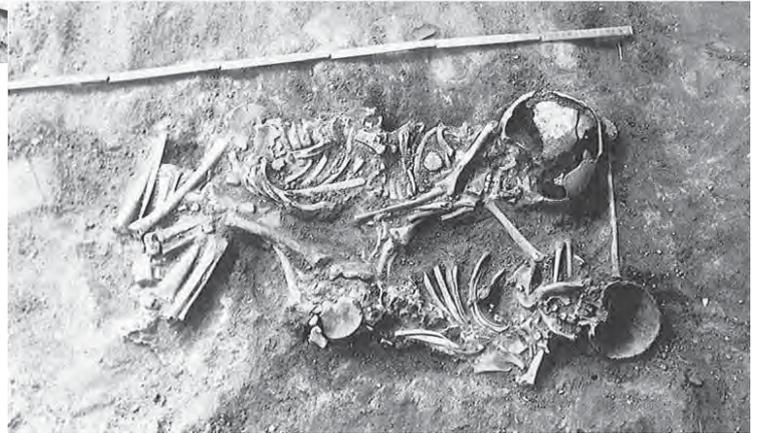

Рис. 10. Загорчимское I поселение. Погребения 2, 3, 4

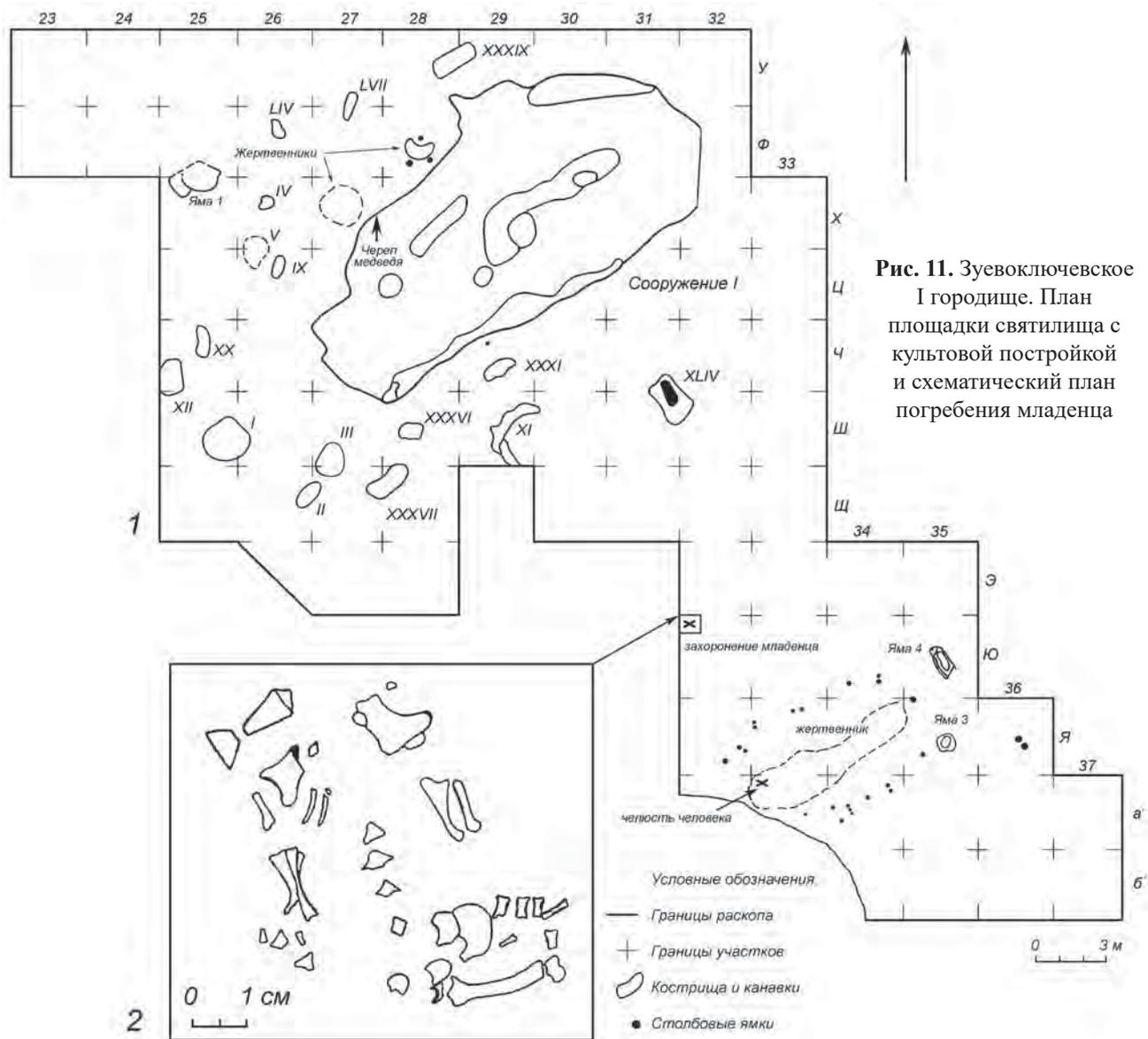

Рис. 12. Зуевключевское I городище. 1 – погребение 1 на уч. АБ/21 (раскоп 1970 г.); 2 – погребение на уч. Ф/10 (раскоп 2004 г.)

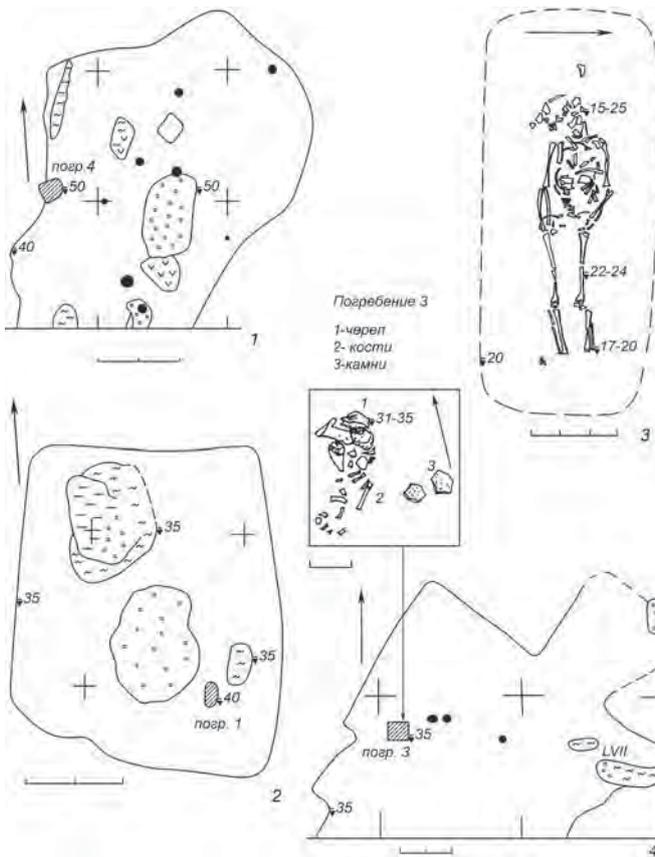

Рис. 13. Зуевключевское I городище: 1, 2, 4 – планы жилищ с погребениями младенцев; 3 – план погребения 2 в культурном слое (кв. Ф/10).

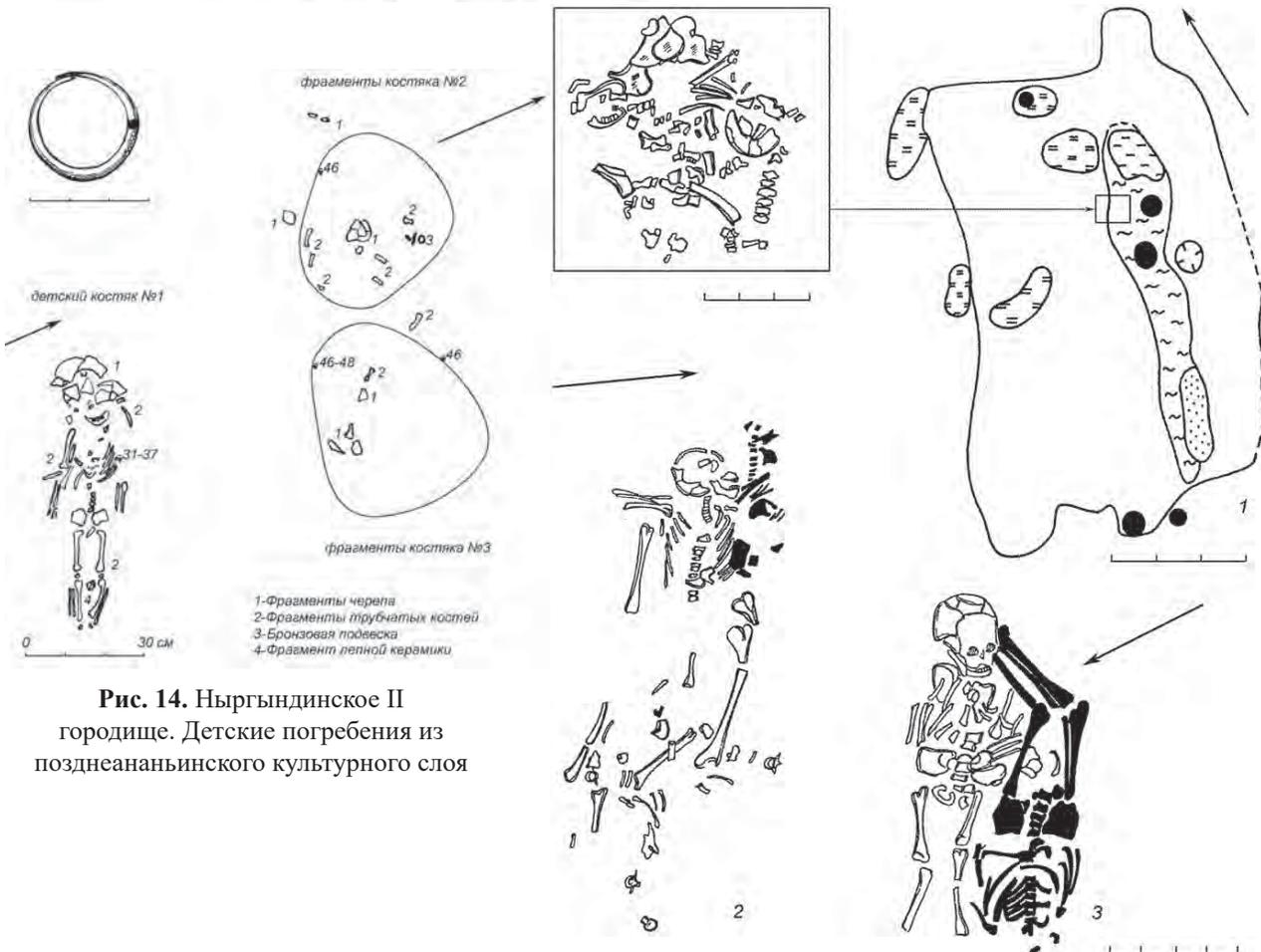

Рис. 14. Ныргындинское II городище. Детские погребения из позднеананьинского культурного слоя

Рис. 15. Аргыжское городище: 1 – план культовой постройки; 2, 3 – погребения из заполнения сооружения V